

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ
АЛЬФРЕДА

Арвин Розенблюм вошел в зал, вежливо поклонился и окинул взглядом собравшихся: они и представить себе не могут, какой сюрприз их ожидает. Из внутреннего кармана сюртука Арвин извлек аккуратный конверт и, чеканя каждое слово, объявил: «Воля покойного Альфреда Нобеля состоит в следующем...»

После оглашения завещания в зале воцарилась напряженная тишина. Родственники великого изобре-

тателя, одного из самых богатых людей на планете, тщетно пытались сохранить самообладание. Молчание нарушил невысокий господин в черном сюртуке («Сводный брат усопшего, промышленник, проживает в Финляндии», — без труда припомнил Арвин), который воскликнул: «Это неслыханно!» и порывисто вышел вон. За ним потянулись ос-

тальные. Когда зал опустел, нотариус достал листок и вновь внимательно перечитал текст, прикидывая в уме, на основании чего наследники могли бы оспорить завещание, — а в том, что именно так они и поступят, выдавший виды юрист не сомневался.

«Все мое движимое и недвижимое имущество, — писал Нобель, — должно быть обращено моими душеприказчиками в ликвидные ценности, а собранный таким образом капитал помещен в надежный банк. Эти средства должны принадлежать фонду, который ежегодно будет

НОБЕЛЯ

На те скудные средства, которые удалось занять у друзей и родственников, Анриетта, мать Альфреда, открыла маленькую зеленую лавку

вручать доходы от них в виде премий тем, кто за прошедший год внес наиболее существенный вклад в науку, литературу или дело мира и чья деятельность принесла наибольшую пользу человечеству». Сумму дохода следовало разделить на пять частей, и каждую из них в виде премии ежегодно присуждать лучшим ученым в области физики, химии, медицины и литературы, а также самым выдающимся миротворцам. Соискателем премии, которую скоро весь мир станет называть Нобелевской, мог стать любой — национальная

достались шведскому правительству. Но главная сложность заключалась в том, что имущество Альфреда было разбросано по всему миру: особняк в Ницце, дом в Париже, бесчисленные мастерские, фабрики и лаборатории в Финляндии, России, Германии, Италии, Англии... Для исполнения воли покойного наспех сколотили целую группу стряпчих, которые сбившись с ног мотались по свету, пытаясь продать имущество без излишних бюрократических проволочек. Положение усугублялось тем, что еще при

После оглашения завещания наследники выразили протест, а шведский король обвинил Нобеля в отсутствии патриотизма

Эммануил Нобель, убегая из Стокгольма от разъяренных кредиторов, и представить себе не мог, что его дела в России пойдут столь успешно

или расовая принадлежность документов не оговаривалась.

Арвин в очередной раз заглянул в прилагающуюся справку: по самым скромным подсчетам стоимость имущества Нобеля оценивалась в 33233792 шведские кроны (около шестидесяти двух миллионов фунтов стерлингов по нынешнему курсу), и все эти деньги поступали на создание фонда! Наследникам оставалась дырка от бублика — примерно два миллиона на всех. Сущие пустяки, учитывая количество претендентов: родственники, слуги, бывшие любовницы, наконец.

Опытный нотариус чувствовал, что проблемы только начинаются, — и не ошибся. После оглашения завещания разразился скандал. Часть наследников выразили протест, а газеты обвинили Нобеля в отсутствии патриотизма — как можно было пренебречь интересами страны и собственной семьи в угоду сомнительным идеям пацифизма! Даже шведский король Оскар II, явно раздраженный тем, что гигантское состояние так глупо пропало, публично заявил, что на Нобеля повлияли «эти фанатики мира», — конечно, было бы куда лучше, если бы знаменитые оружейные заводы

жизни Нобель успел испортить отношения со многими правительствами. Во Франции, например, изобретателя динамита вообще считали военным шпионом и после смерти обложили его имущество такими пошлинами, что душеприказчикам пришлось изрядно попотеть, дабы продать всю недвижимость, а затем перевезти деньги в Швецию. Решили переправлять их наличными — пакеты с деньгами тайно погрузили в обычный кеб. Сверху взгромоздился Арвин — он решил лично возглавить операцию. В газетах тогда только и писали, что об анархистах-динамитчиках, грабящих банковские фургоны, так что Арвин вооружился увесистым револьвером и в результате чуть не продырявил лоб мальчишке-газетчику, который ловко запрыгнул на подножку, чтобы предложить мсье свежий номер.

Тем временем наследники яростно пытались оспорить волю покойного, затеяв все новые и новые процессы в судах Стокгольма, Лондона, Парижа и Берлина. Рассеянный Альфред даже не удостоился заверить свое завещание у нотариуса — чем не отличный повод отсудить миллионы! К хору возмущенных голосов неожиданно присоединились и

участие: известный венский математик выступил с гневной речью, вопрошая, отчего в список Нобеля не попала его наука, и требовал внести в завещание необходимые изменения, с тем чтобы коллеги тоже могли получать премии. Исключение математики и впрямь выглядело странным... но только не для тех, кому была известна давняя любовная история, навсегда разбившая сердце Альфреда Нобеля.

...Они уже час гуляли по парку — юный швед и молодая датчанка. Где-то вдалеке раздавались оживленные голоса — по четвергам в петербургском доме мадам

Дезри собирались иностранцы, по воле судьбы осевшие в России. Альфред приехал в Северную Пальмиру вместе с отцом, Анна же родилась здесь — ее отца, известного датского судопромышленника, некогда пригласил на службу сам Петр I. Невысокая, грациозная, живая — когда Альфред впервые увидел Анну, ему показалось, что все любовные стихи были написаны о ней, только о ней. Петрарка, Шелли, Гёте — потрепанные книжки, которые он брал с собой в каждую поездку, теперь казались ненужными, ведь рядом есть та, очарование которой не в силах выразить самые восторженные сонеты. Анна, впрочем, к кавалеру подобных чувств не питала — Альфред совсем не походил на байронического красавца из ее снов. Он, конечно, очаровательный меланхолик и чудесно читает стихи, но, право, тщедушность и бледность хороши до известных пределов. (Альфред и впрямь не отличался здоровьем — чахоточный цвет лица он имел от природы, и белилами, подобно записным модникам, ему пользоваться не приходилось.) Но с другой стороны, он был прекрасным собеседником — в свое время папа решил, что лучшее образование для сына — длительное путешествие, и в свои семнадцать Альфред уже объездил всю Европу и даже побывал в Америке. «Океан меня разочаровал, — говорил он скачущим голосом. — Мне он представлялся гораздо больше», и восхищенная Анна кокетливо наклоняла головку, поглядывая из-под ресниц в его сторону. Стихам она была особенно рада — маменька прятала от нее и Шелли, и Байрона, справедливо полагая, что эти «страсти роковые» окончательно задурят голову ее юной дочке. Иногда, дрожа от волнения, Альфред брал Анну за руку, пылко говоря что-нибудь вроде: «Все красоты мира меркнут перед вашей красотой», и польщенная девушка — о чудо! — не отнимала руки. А затем возвраща-

лась к себе, рассеянно размышляя — а не влюбилась ли она?

Для Альфреда дни проходили словно в тумане. Он с нетерпением дожидался четвергов, в прочие же дни сочинял мадригалы. Через несколько месяцев, окончательно потеряв голову, он уже грезил о семейном счастье, позабыв о своем решении учиться и помогать отцу: «Жениться, непременно, теперь же, — и посвятить себя искусству, литературе, театру. Что может быть прекраснее?..» Слушая эти признания, брат Людвиг только качал головой. Однако все мечты рухнули в одночасье...

На статного красавца Франца Лемаржа Альфред сначала не обратил внимания — в доме графини бывало много народа. Но увидев, какие взгляды бросает на него Анна, не на шутку заволновался, Франц сыпал любезностями и пересказывал последние сплетни австрийского двора — его отец служил там, пока его не направили в Петербург по дипломатической линии. Альфред ненавидел таких выскочек всем сердцем — известно, как эти великосветские хлыщи умеют задурить мозги неопытным девушкам. Да и по службе они всегда добиваются успехов, а приличные люди прозябают в безвестности. Альфред старался изо всех сил, рассказывал Анне самые занятные истории, какие только знал, но все тщетно — под любым благовидным предлогом она покидала его и уходила слушать Франца.

Все решилось на день ангела. Лемарж был в ударе: сыпал остротами, танцевал, пил шампанское. На Альфреда же накатил одна из его обычных депрессий — та темная волна, за которой уже не различишь людей и предметы и хочется сесть в угол, сжаться и замереть навсегда. Но безжалостная судьба подготовила ему еще одно испытание: Лемаржу вдруг захотелось поближе познакомиться с застенчивым соперником. «Как вы относитесь к математике? — спросил он, подходя с бокалом шампанского. — Не правда ли, в естественных науках должен теперь разбираться каждый мужчина?» Альфред заметно напрягся и гордо ответил, что его отец — известный естествоиспытатель и промышленник, а сам он изучал указанные науки у лучших учителей. «О, неужели? — притворно удивился Франц. — Так, может быть, вы сможете решить вот это?» — он набросал на салфетке какую-то формулу. Нобель неуклюжим движением подвинул салфетку к себе: в голове прыгали формулы, квадратные корни, но задача никак не реша-

Отвергнутый Анной Альфред решил стать изобретателем, самым знаменитым, и обойти всех в естественных науках

лась. Вдоволь насладившись смятением Альфреда, Лемарж несколькими легкими росчерками завершил построение. «В этом нет ничего удивительного, и мсье Нобелю нечего стесняться, — объявил он окружающим. — Я ведь собираюсь поступать в университет по математическому разряду, зато из Альфреда, полагаю, выйдет замечательный литератор».

Свадьба Анны Дезри и Франца Лемаржа шумела на весь Петербург. Нобели тоже были приглашены, но Альфред оказался больным. Вернувшись, родные действительно

про умершую влюбленную, белый саван и запах увядших роз. Почти неделю Альфред не приходил в себя, и отец, забросив дела, сутки напролет сидел у постели сына, кляня и датских красоток, и Петербург, и эти детские романы, будь они неладны.

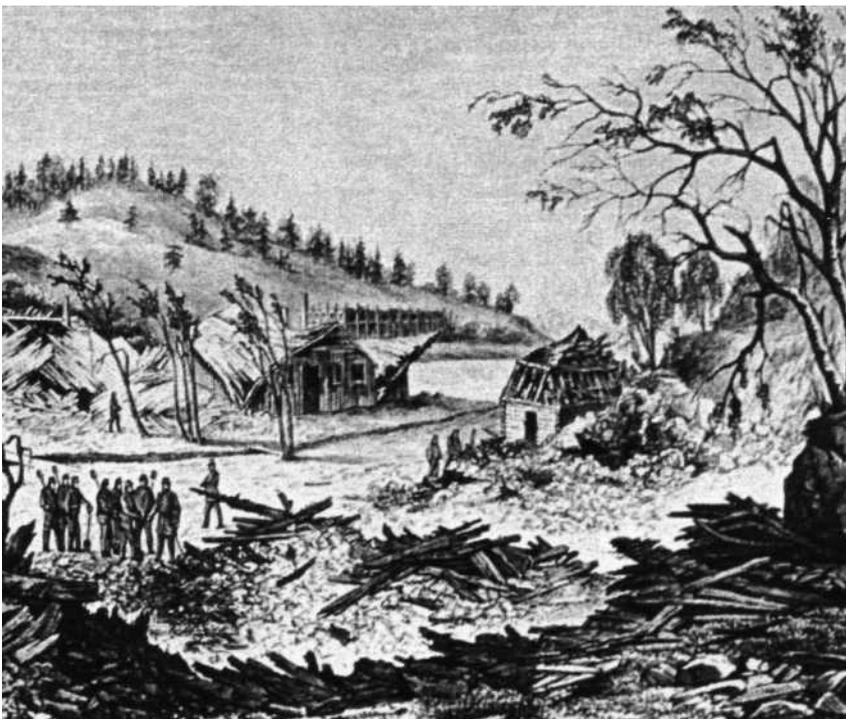
Впрочем, чего-то подобного, какой-нибудь мерзкой и неожиданной неприятности Эммануил Нобель ожидал давно — слишком уж хорошо шли дела. Убегая из Стокгольма от разъяренных кредиторов, он и представить себе не мог, что его дела в России пойдут столь успешно. В душевной

Он уже грезил о семейном счастье, позабыв о своем решении учиться: «Жениться, теперь же, — и посвятить себя искусству, литературе»

Когда Эммануилу сообщили о гибели сына, его разбил паралич. Лежа в кровати, он рисовал пейзажи, но на переднем плане всегда были изображены взрывы или разрушенные ими дома

нашли его в тяжелой горячке, а на полу рядом с кроватью белели листки с только что написанной поэмой — что-то

каюте парома «Евле-Турку» Эммануил с ужасом представлял, что жлет его в далекой заснеженной стране. налаженный бизнес, первый в Швеции каучуковый завод, крепкие связи и репутация надежного коммерсанта — все это безвозвратно пропало, когда от случайной искры загорелся двухэтажный особняк Нобелей на тихой стокгольмской улице. В огне погибли деньги, облигации, бесчисленные патенты. Эммануил Нобель с женой и тремя сыновьями остался на улице, имущество пришлось спешно распродать. Дело всей жизни превратилось в прах в самом буквальном смысле. Впереди маячила угроза долговой ямы, и Нобель принял решение: попытаться счастья в России. Жену с детьми он оставил в Стокгольме, пообещав вызвать к себе, как только наладятся дела. На те скудные средства, которые удалось занять у друзей и родственников, Анриетта открыла маленькую зеленую лавку, и, чтобы хоть как-то свести концы с концами, два старших сына, Людвиг и Рудольф, торговали на углу спичками, словно герои сказок Андерсена. Альфреду к тому времени едва исполнился год — тридцать лет спустя он уверял, что помнит пожар в самых мельчайших подробностях: гудящее

пламя, оранжевые искры и отец, которого удерживают два дюжих пожарных, чтобы он не ринулся в огонь.

Через несколько лет Эммануил полностью рассчитался со всеми кредиторами. Он приобрел особняк в центре Петербурга и вызвал к себе семью. России пригодились все: и разработанная им система водяного отопления, и опыт в станкостроении, и главное его изобретение — «заряд пороха, помещенный в металлический корпус», или попросту мина. Он налазил выпуск шпал, ружей и кораблей с паровым двигателем — Нобеля даже наградили специальной Императорской золотой медалью за «старания и дух взаимопомощи». Но после громкой свадьбы Анны Дезри и Франца Лемаржа на «Литейных заводах и в металлургических цехах Нобеля» царил переполох: хозяин, всегда такой пунктуальный и вездливый, не появлялся уже неделю, и даже теперь, на регулярном собрании управляющих, его кресло пустовало... Эммануилу было не до них: он сидел в комнате сына и читал записку, которую Альфред написал, едва оправившись от болезни. «С этого дня, — почерк был еще нечетким, строчки прыгали, — я больше не нуждаюсь в удовольствиях толпы и начинаю изучать великую книгу природы, чтобы понять то, что в ней написано, и извлечь из нее средство, которое могло бы излечить мою боль». Сам Альфред, вернувшись в одеяло, молча наблюдал за реакцией отца. Эммануил дочитал до конца, помолчал и рубанул ладонью воздух: «То есть ты хочешь доказать этому паркетному прыщу, что он и мизинца твоего не стоит?» — в юности Нобель-старший служил матросом. Альфред кивнул: «Стать изобретателем. Самым знаменитым. Обойти всех в естественных науках. Чтобы обо мне узнал весь мир». И чуть тише добавил: «И тогда она раскается, но будет поздно».

Битва началась. Отец нанял Альфреду лучших преподавателей по физике и химии, и сын занимался так усердно, что учителя только диву давались. Альфред ездил на стажировки к знаменитым европейским профессорам и вскоре стал отменным химиком. Эммануил делился с ним самым сокровенным: «Заменитель пороха — вот идея, которая может принести миллионы. Порох дорог, неудобен, легко намокает. Тот, кто придумает, чем его заменить, прославит себя на века. Уже есть интересные наработки — слышал ли ты про нитроглицерин?»

Разумеется, Альфред слышал. Обычная история — кто-то случайно подогрел

смесь серной и азотной кислот, и пробирка взорвалась. Потом другой чудак — Асканио Собrero из Италии — добавил в эту же смесь немного глицерина, назвал вещество нитроглицерином и теперь сам не знает, что с ним делать. Почему Господь посылает великие идеи таким идиотам? Ведь это и есть тот самый заменитель пороха, нужно только поэкспериментировать с пропорциями — и проблема решена. А Собrero не нашел ничего лучше, как прописывать нитроглицерин сердечникам — «патентованное средство, по две капли на стакан воды для облегчения приступов». Что ж, сам виноват, когда Нобель доведет до конца свои опыты, про Собrero уже никто не вспомнит.

...Раздался оглушительный взрыв — и в небо взметнулся мощный столб воды, а рабочие, спешащие на завод, в испуге повалились на землю. «Это мое новое изобретение — нитроглицерин Нобеля! — гордо объявил Альфред братьям, стоявшим чуть поодаль. — Он был в маленькой пробирке, а порох — в большой. Поджигаешь, и... бу-ум! — Альфред довольнo поглядывал на Рудольфа и Людвигу. — Я уже послал заявку в патентное бюро». Имя Асканио Собrero в заявке не упоминалось.

О новом «нитроглицерине Нобеля» действительно заговорил весь свет. Фабрики по его производству открывались повсюду: Альфред стремился как можно быстрее завоевать мировой рынок. Он проводил рекламные кампании в прессе и подкупал нужных чиновников, умалчивая, однако, при этом, что технология производства нитроглицерина им еще не до конца разработана, а про его свойства вообще мало что известно. О технике безопасности и говорить не приходилось: нитроглицерин, способный разнести целую скалу, перевозили в обычных стеклянных бутылках или железных бидонах... Результаты не заставили себя ждать.

3 сентября 1864 года Стокгольм потряс мощный взрыв. Сто килограммов нитроглицерина, дожидавшиеся отправки на новой фабрике братьев Нобель, превратили здание в руины и погребли под обломками всех рабочих. Шведские газеты в ужасе писали: «Там не было трупов, только груда мяса и костей». Альфред отделался легкими ранами на лице, но самое страшное известие ожидало его впереди: во время катастрофы вместе с рабочими погиб его младший брат Эмиль, приехавший на каникулы к родным. Когда отцу сообщили о

некоторое время на свет появился динамит — сухой, негорючий, который взрывался только при определенных условиях. Дела вновь пошли в гору: Нобель переехал в Париж, купил особняк на Малахов-авеню и даже стал появляться в светских гостиных. Впрочем, невысокий господин с вечно недовольным выражением лица и странными шуточками не пользовался большим успехом у дам, зато заслужил репутацию экстравагантного чудака: только он мог потратить бесценные минуты аудиенции у короля на то, чтобы убедить его в необходимости создания института самоубийств. «Представьте себе, Ваше Величество, — говорил он, чуть грустя. — Особняк на берегу моря, оркестр из лучших музыкантов, и последние минуты несчастных превратятся в истинное блаженство — коньяк, сигары, Шопен, ну и мышьяк под конец». Слова «блаженная смерть» он произносил с видом гурмана, ожидающего любимое блюдо, и монарх смотрел на него с легким испугом: что творится в душе этого богача? Но и королевской фантазии не хватило бы, чтобы представить те муки, которые испытывал Альфред Нобель в своем роскошном доме на Малахов-авеню.

Альфред засел в лаборатории, и спустя некоторое время на свет появился динамит

случившемся, он несколько минут отрешенно молчал, затем дернул головой, словно собираясь что-то сказать, и неловко завалился в кресло: старика разбил паралич. Долгих восемь лет он проведет не вставая с кровати, и каждое утро сиделка будет выносить из его комнаты кипы аккуратных карандашных набросков. Милые деревенские пейзажи, тихие улицы, морские виды — их можно было бы продавать в сувенирных лавках с надписью «Из Швеции с любовью», если бы не одно обстоятельство — на пе-

...Альфред открывает глаза и обнаруживает, что лежит в полной темноте. Руки сложены на груди, в нос бьет невыносимый запах плесени и сырой земли. Ящик, заколоченный ящик — и ужасный холод! Он упирается руками в крышку, но она не поддается, он кричит, зовет на помощь, чувствуя, что задыхается, — и просыпается в холодном поту...

Этот кошмар преследовал его постоянно — с тех самых пор, как родной дядя рассказал страшную историю про

Стокгольм потряс мощный взрыв. Нитроглицерин превратил фабрику в руины, все рабочие погибли под обломками

реднем плане каждого рисунка с поразительной точностью были изображены взрывы, разрушенные дома и мины-каракатицы.

Еще несколько несчастных случаев — и производство нитроглицерина в большинстве стран запретили. Альфред пытался как-то исправить ситуацию, но тщетно. Выбора не оставалось: пришлось засесть в лаборатории, и спустя

русского писателя Гоголя, которого похоронили живьем. «Летаргический сон! — Дядя трагически замирал и поднимал вверх указательный палец. — Заснул в постели, а проснулся в гробу». Страх вошел в одинокую жизнь Нобеля неслышно, словно призрак, — Альфред отчего-то решил, что его путь закончится именно так: могильным холодом и удушем в тесном аду. Узнав о страданиях своего

пациента, семейный доктор Нобель выписал сильнодействующее снотворное, но, чуть поколебавшись, заметил: «Снотворное не устранит причи-

ну. Все дело в расстроенных нервах — вы слишком много работаете и к тому же не находите успокоения в личной жизни. Попробуйте отдохнуть, развеяться. Заведите любовницу, в конце концов!» Придя домой, Альфред поставил перед собой коробочку со снотворным и глубоко задумался.

Спустя три дня в венской газете «Neue Freie Presse» появилось скромное объявление: «Господин средних лет, богатый и образованный, ищет компаньонку, которая владеет английским и французским языками и могла бы исполнять роль секретаря». Любовница — это так пошло, Нобель же искал родственную душу. Через три недели по указанному адресу отозвалась тридцатитрехлетняя графиня Берта Кински, а еще через месяц, после оживленной переписки, Нобель выслал ей деньги на дорогу до Парижа.

Они ехали в коляске по Булонскому лесу — лучшего экипажа не было во всем Париже, и гуляющие парочки с любопытством смотрели вслед. Нобель шутил, был галантным, и даже вечная маска меланхолии исчезла с его лица — живая словоохотливая Берта ему положительно нравилась. Графиня Кински с интересом посматривала на своего нового знакомого: она ожидала увидеть раздражительного старика, а Нобель оказался милым господином с черной бородкой. Откликнуться на подобное объявление означало пренебречь всеми правилами приличий, но что оставалось делать графине? Род ее когда-то был знатен, но с тех пор прошло немало лет, и безденежье вконец доконало семью. После долгих раздумий Берта решила пойти работать (скандальный поступок для молодой аристократки), устроилась воспитательницей в дом баронессы фон Зутнер и... неожиданно влюбилась в собственного воспитанника, который был младше ее на пятнадцать лет! Их связь длилась два года, но все тайное становится явным. Узнав о двух голубках, баронесса чуть с ума не сошла: она желала своему

сыну совсем другой участи. Несколькими днями позже на глаза баронессе попался свежий номер «Neue Freie Presse», и судьба Берты была решена.

...Они беседовали, ездили в театр, и Нобель все больше проникался симпатией к графине. Мысли, наблюдения, любимые поэты — все совпадало, ошибиться было невозможно: эта женщина предназначена ему судьбой. Обычно чопорный и болезненно застенчивый, Нобель преобразался на глазах — слал из командировок огромные букеты орхидей, а в конце необычайно нежных писем признавался, что не может жить без нее. Однажды, вернувшись из особенно длительной поездки, он прямо спросил, свободно ли ее сердце.

Берта ответила отказом.

Однажды, вернувшись из длительной поездки, Альфред прямо спросил, свободно ли ее сердце. Берта Кински ответила отказом

Покинутый Бертой Нобель бродил по своему особняку, с ненавистью оглядывая работу парижских декораторов

графине небольшую папку. Там были наброски нового интерьера в доме на Малахов-авеню. Берте в нем отводились три роскошные комнаты: будуар в нежно-голубых тонах, небольшая комнатка для отдыха с библиотекой и граммофоном и строгий кабинет, облицованный дубом. «К моему приезду все будет готово», — гласила записка, вложенная в папку.

Когда Нобель вернулся, Берты уже не было. В письме, оставленном у дворецкого, она молила простить ее и не гневаться. Чтобы не чувствовать себя обязанной Нобелю, графиня продала часть фамильных драгоценностей, дабы оплатить обратную дорогу.

Мир рухнул. Золотая клетка опустела. Униженный, раздавленный, покинутый, Нобель бродил по своему особняку, с ненавистью оглядывая работу парижских декораторов: «будуар молодой девушки» от Леже, «комнату для уединенных размышлений» от Пуантро... Через неделю, не попрощавшись ни с кем, Нобель уехал в Вену, где у него были небольшой домик и фабрика.

Альфред заперся в лаборатории — он больше ничего не ожидал от мира, но пусть мир узнает, на что еще способен Нобель. За короткий срок он разработал модель первого велосипеда с каучуковыми шинами, запатентовал конструкцию боевых ракет и рецепт изготовления искусственного шелка.

Альфред выходил из дома только на послеобеденную прогулку и в цветочную лавку — каждое утро он покупал букет своих любимых орхидей и вечерами, сидя в уютном кресле, задумчиво

смотрел, как первый луч заходящего солнца падает на нежные лепестки. Одна мысль не давала ему теперь покоя: кому же достанется гигантское состояние, добытое адским трудом — а быть может, он заплатил за него и собственным счастьем! Братьям? Но они и так не бедствуют — нефтяные прииски Каспия, принадлежащие семье Нобель, приносили фантастические барыши.

Дальним родственникам, этим бездельникам и тунеядцам, которые, как стервятники, только и ждут, когда же мсье Нобель отдаст концы? От подобных

Выслушав историю несчастной любви семнадцатилетнего паренька и опытной женщины, Нобель поначалу опешил, однако быстро взял себя в руки и принялся ласково утешать Берту:

«Вы сменили обстановку — отлично. Время лечит — скоро вы оба позабудете эту историю». Но внутри все клочкотало: почему его жизнь постоянно превращается в дешевый фарс?! Малолетний сопляк, влюбленная учительница и доверчивый проstack-богач — отличный сюжет для водевиля, черт бы ее побрал. Впрочем, он не терял надежды: время и вправду лечит, требуется лишь немного терпения и ласки, быть рядом, стать верным другом, а там — и верным мужем. Отправляясь в очередную командировку, Нобель послал

Здание стокгольмской городской ратуши, где проходит ежегодный бал нобелевских лауреатов

Новое завещание, составленное после долгих раздумий, произвело невероятный эффект: отшельник снова ощутил вкус к жизни

мыслей Альфреда передергивало: институт наследования он считал вредным и опасным изобретением. Деньги надо заработать, только тогда можно почувствовать их силу и узнать им цену. А если они упали с неба, ничего хорошего не выйдет — примеров тому Нобель за свою жизнь встречал предостаточно. И тогда он решил создать фонд...

Новое завещание, составленное после долгих раздумий, произвело невероятный эффект: отшельник снова ощутил вкус к жизни. Ведь теперь даже смерть была ему не страшна: благодарное человечество прославит имя Нобеля в веках. Альфред возобновил переписку со старыми друзьями и опять стал появляться в светских гостиных. Однако свою последнюю любовь он встретил вовсе не там, а... в той самой цветочной лавке, где по утрам покупал орхидеи.

Знай Нобель, что история его любви как две капли воды напоминает сюжет известного романа Шоу (правда, вышедшего 16 лет спустя после его смерти), он пришел бы в ужас — судьба опять затеяла с ним жестокую игру. Но двадцатилетняя Софи и впрямь покорила его сердце.

Сперва были ничего не значащие

смысленных сорах. Лень и беспробудная глупость Софи, которая явно не желала меняться, теперь раздражали его не меньше, чем ее — бесконечные жалобы престарелого любовника на мигрень и приступы грудной жабы. К тому же доброжелатели постоянно нашептывали Нобелю о нескончаемых изменах пассивности. Но Альфред не верил, отказывался верить в подобную низость — до тех пор пока «милая» не появилась на пороге его кабинета с известием: она беременна. Беременна от драгунского капитана фон Капивара! Софи молила ее простить, благословить их брак и... не лишать денег.

18-летний роман закончился в одночасье — Нобель отослал Софи прочь, велев никогда больше не появляться в его жизни (после его смерти Софи продала братьям Нобеля 216 любовных писем Альфреда). Он почти перестал есть, часами бродил по оранжерее, бормоча какую-то невнятицу, а ночами стонал так, что верные слуги не могли сомкнуть глаз — в спальню опять вполз могильный холод, и его не удавалось изгнать даже самым сильным снотворным. После одной такой ночи Нобель в исподнем добрался

Последнюю любовь Нобель встретил в цветочной лавке, где по утрам покупал орхидеи. Его сердце покорила 20-летняя Софи

приветствия, затем — краткие беседы, и вот уже Альфред снимает для своей пассивности маленький домик под Веной, всерьез вознамерившись сделать из Софи женщину своей мечты. Уроки хороших манер, совместные чтения книг; в письмах он называл ее «моя милая», подписываясь «ваш старый брюзга». Барышня быстро вошла во вкус: за домиком в Вене последовала квартира в Париже, затем — вилла в Бад Ишль, и вот уже Софи называет себя в письмах «мадам Нобель», а потрясенные братья устраивают Альфреду допрос с пристрастием: что у тебя с этой девицей? Альфреду остается только растерянно бормотать: мол, я просто помогаю бедной девушке. Однако, бегая по магазинам в поисках дорогих безделушек и модных нарядов, Нобель постепенно стал осознавать: его роман легко вписывается в старинную поговорку про беса и ребро. Он вовсе не мечтает провести остаток дней в глупых, бес-

до кабинета и дрожащей рукой сделал приписку к завещанию, велев дворецкому отвезти бумагу к нотариусу. Через два дня Альфреда Нобеля не стало.

...Сидя в своем кабинете, Арвин Розенблюм терпеливо ждал. Раздался стук в дверь, и на подносе внесли записку. «Бальзамирование и прочее, о чем мы условились, сделано». В конце стояла подпись семейного врача Нобелей. Арвин удовлетворенно кивнул: теперь воля покойного исполнена. Во избежание кривотолков он не стал заострять внимание наследников на странном пункте завещания. В самом деле, зачем им знать, каково последнее желание Альфреда Нобеля?

Король динамита, богатейший из людей желал, чтобы после смерти ему на всякий случай перерезали вены. Больше всего на свете он боялся быть похороненным живо...

Ханна Лебовски